

Лёша Королёв был старше меня на несколько месяцев, ничтожная разница. Сколько его помню, он не менялся — высокий, костистый, жёсткий... И в жизни и в стихах. Тайно ездил к Тарковскому, который, конечно, был одним из его кумиров... В какой-то мере это отразилось и в стихах, но влияние Тарковского было почти незаметно — слишком жёсткий и сильный характер Алексея не позволял следовать напрямую поэтическому учителю. Правда, Лёша это скрывал. И то, что кумир, и то, что ездил к нему. Он вообще достаточно категорично разводил в разные стороны друг от друга свои знакомства. По стихам я называл бы его «тарковианцем», хотя это и звучит как-то неоправданно пафосно.

В те годы в нашу компанию входили хорошие люди и хорошие поэты. Большинство из них прожили трагичную и короткую жизнь — Саша Тихомиров, Володя Шлёнский, Ян Гольцман... И, как говорится, многие другие.

Был Алексей знаком и с Булатом Окуджавой. А как иначе: почти Лёнька Королёв со старого Арбата, о котором, точнее как бы о его прототипе в своё время написал Булат

Окуджава свою известную песню, ещё не подозревая, что на старом Арбате реально живёт молодой поэт Алексей Королёв. Таким образом знакомство барда с Королёвым было в некотором роде символическим актом. А такое Булат Шалвович ценил. Вспомним:

В том дворе, где каждый вечер всё играла радиола
И пары танцевали, пыля,
Ребята уважали очень Лёньку Королёва
и дали ему званье Короля.

Ну пусть не Лёнька, а Лёшка — это почти одно и то же. А попадание стопроцентное. Даже если судить по молодым стихам Королёва:

Со сверстниками, как на грех,
досада и нажда,
а я один из них, из тех,
кто тридцать лет назад
по сводкам Совинформбюро
родной язык учил,
а тридцать лет спустя добро
творил по мере сил.

Воистину явленная связь времён и поколений. Фронтовик Окуджава и новое поколение от сводок Совинформбюро.

А я познакомился с ним — страшно сказать! — чуть ли не в 1967 году. В этом году, когда я услышал о его внезапном уходе, мы могли бы отметить полвека нашего знакомства и даже многолетней дружбы. Но, по правде, уже давно ничего совместно не отмечали. Тому было много причин. Но не о них сейчас разговор, а о том, что много лет дружили, соприкасались, читали друг другу стихи, вместе выпивали, заглядывали друг к другу в гости — просто так и на дни рождения.

Я оказался невольным свидетелем его развода с прибалтийской женой — холодной и презрительной молодой дамой, которая категорически не принимала его образа жизни. А потом он познакомился с прекрасным и добрым человеком — Тома стала его женой и всю оставшуюся жизнь они прожили вместе. Сама Тома была родом из Одессы. Из года в год каждое лето Алексей и Тома уезжали отдыхать в Одессу, где у неё была родня. Ещё Алексей дружил с бывшим одесситом Гарри Гордоном, с которым и у меня были неплохие отношения. А Гарри приходился Томе роднёй, и дружеские связи подкреплялись семейными. Вскоре появился и сын Гарика — известный шоумен Александр Гордон, который вернулся из Америки в Россию. Он бывал у Алексея, и как-то мы выпивали на одном из дней рождений Королёва.

Время от времени, как и всех нас, смертных, Алёшу преследовали житейские неприятности. Однажды он сломал ногу и ходил с костылём. Ещё раз где-то подскользнулся — и вот, рука в гипсе. Самый страшный удар настиг его на субботнике. На него обрушились бетонные блоки, под которыми он сидел с сослуживцами по своему институту. В итоге многочисленные переломы костей таза. Тяжелейшие травмы. Долго ходил на костылях, но ничего, всё срослось, костыли Лёша отбросил и жил как ни в чём не бывало. Был очень живучий и крепкий человек. Другие бы после таких злоключений давно бы сидели на инвалидности.

Помню году в 80-м прошлого века в газете московских писателей «Московский литератор» было напечатано значительное стихотворение Королёва. Там он показал весь спектр своих творческих возможностей, а упомянутая в этом стихотворении или, может быть, даже в маленькой поэме итальянская вилла «Альберти» уж никому и не могла прийти в голову в те времена. Прекрасный человек, поэт-фронтовик Марк Лисянский, с которым мы столкнулись где-то в районе писательского клуба, спросил меня: — Ты знаешь этого Королёва... Потрясающее стихотворение, не представляю, кто бы сравнялся с ним по культуре стиха. — Знаю, —

отозвался я, — это мой товарищ. Я ему передам ваши слова, ему будет приятно... — И конечно, я слово в слово рассказал об этом разговоре Королёву. Это и в самом деле его порадовало.

Однажды я заглянул к Алексею со своим товарищем, курсантом Высших литературных курсов, поэтом из Казахстана Бахытжаном Канапьяновым. Бахытжан — прекрасный азиат из рода Чингизидов, запомнил эту встречу на всю жизнь. Таких, как Королёв, в той жизни было немного...

Алексей блистательно владел формой стиха, прекрасно чувствовал слово и одновременно с этим в его стихах словно бы не хватало чувства, иные из них были умозрительны и холодноваты, что называется, написанные от ума, а не от страсти. Но всё же его стихи очень отличались от стихов сверстников — выделкой, умением. Приведу пример одного из сонетов Королёва:

С иголки обнова хороша,
Как в Марбурге, — от пяток до затылка,
А обветшав, не стоит ни гроша...
Не по нутру мне эта предпосылка!
На что уж троп затрёпанный — душа,
А мы его употребляем пылко:
Так воодушевляет алкаша
Сознание, что спрятана бутылка

На чёрный день. Но о каком из дней
Не скажешь, что грядёт ещё черней, —
Так стоит ли испытывать терпенье!
Но если уж надежда на спасенье
Припрятана, не прикасайся к ней, —
Успение ещё не воскресенье...

Да, поэзия Алексея Королёва отличалась некоторой камерностью, замкнутостью. Его любимый кумир Арсений Александрович Тарковский был более открыт, более ярок. Он любил вещественное. Стихи Лёши отличались не только безукоризненной формой, но и почти полной отстранённостью от мира:

Из того, что на роду каракули
Предрекали, кое-что сбылось,
И особой нет нужды в оракуле —
Остальное сбудется авось.
Сводит челюсти от безразличия,
Тем не менее ещё пока
Отличу личину от обличия,
Не сыщу в ничтожестве величия...
Впрочем, если соблюдать приличия,
Разница не слишком велика.

Это красноречивое признание. Возможно, он так относился и к людям из своего окружения, потому что наши связи с ним рвались из года в год, пока не прервались совсем.

Много лет, даже десятилетий своей советской жизни Алексей работал. Он не делал ставку на литературу. Был физиком и работал в закрытом радиоинституте где-то на улице 8 Марта. Институт был абсолютно секретным, наверняка с подпиской сотрудников о неразглашении. Сегодня я думаю, что и это наложило отпечаток на характер Алексея. Уже в начале 90-х XX века, когда рушились советские структуры, рушились и советская промышленность и наука. На работу Лёша почти не ходил, но какое-то время сидел на окладе, сокращённом во много раз. Пла-

тили, чтобы не терять специалистов. А вскоре платить перестали. Правда, мы все уже были близки к пенсионным возрастам. Что поделаешь — не только жизнь, но и природа беспощадны.

В давние времена Алексей написал две рецензии на мои молодые книги: одна вышла в журнале «Юность», а другая в газете «Литературная Россия». У самого Алексея при Советской власти вышли три книги. Первая «Зеница ока» — в «Совписе», которая очень нравилась редактору Виктору Фогельсону, а вторая «Синица в небе» — в «Современнике». Третья называлась «Экс-либрис». Мне тоже довелось поучаствовать в судьбе моего товарища. Я был рецензентом одной из его книг и, понятно, написал в высшей степени положительный отзыв. Четвёртая книга Королёва «Вокруг да около» вышла уже в нулевые годы нового века под фирменным знаком журнала «Предлог».

Журнал «Предлог» — это была попытка создать журнал новой литературы, которой просто не было. В итоге журнал продержался несколько лет и «благополучно» перестал издаваться. И Лёша и его коллеги сами потеряли интерес к этому изданию, которое выходило на деньги тайного мецената, который просил только регулярной подготовки очередного номера. Меня и давних друзей Королёв в журнал не приглашал. Почему? Однажды мы с ним разговорились, и он признался, что редколлегия, то есть издатели, решили печатать в журнале только тех, кого не печатали при Советской власти. Успешных в своё время литераторов — за редким исключением — в упор видеть не хотели. Вообще это была общая журнальная тенденция. Кто-то на это обижался. Я не обиделся и высказал Лёше своё мнение. — Знаешь, Алексей, только те, кто был успешен раньше, могут быть успешными и сегодня. Вот почему твой журнал не может подняться: вы печатаете безнадёжных графоманов из прошлого... Я никого не хотел обидеть этими словами, но Алексей неожиданно со мной согласился. Между прочим, такую линию избрали и некоторые другие издания, и все они в скором времени упали до мизерных тиражей в тысячу или полторы тысячи экземпляров. Падение фантастическое — после сотысячных и даже миллионных тиражей!

Но всё же мне довелось напечататься в «Предлоге». Очевидно, понимая мою правоту, вскоре Королёв позвонил мне и предложил дать стихи в очередной номер. Это был последний номер журнала «Предлог», который так и не смог подняться. В нём напечатана подборка моих стихов, которая, как мне кажется, удалась. Мы презентовали журнал в Музее Маяковского на Лубянке и отметили этот номер неумеренным возлиянием. Это был последний всплеск «Предлога». После этого журнал исчез из литературного пространства, а я даже успел получить скромный гонорар, что уже было редкостью. Многие издания давно перестали платить гонорары своим авторам по разным причинам: кто-то от жадности, а кто-то от бедности существования литературы в капиталистическом мире нового российского времени.

Время от времени мы встречались, но всё реже и реже. Алексей болел и, думаю, стихов уже не писал. Я вспоминаю его старые стихи. Все они прекрасно написаны и, как я уже отметил, очень герметичны. Вот пример стихов Алексея последнего времени:

Сначала воспарил — а после рухнул!
Сперва залейся, а потом опухни,
От жажды умирая у ручья...
Уменья трохи да чуть-чуть чутья —
Вот основное из того, что я
На поэтической усвоил кухне,
Хотя стихов, как правило, на дух не
Переносил, лишь исключенья чтя.

Неприязненное и даже циничное признание. Но Алексей Королёв был таким, каким был, и не скрывал своего отношения. Да, в дни его ухода, 12 ноября 2017 года исполнилось полвека нашего знакомства, но последние несколько лет мы ни разу не созвонились.

В дни, когда Алексея не стало, умер Михаил Задорнов, застрелился семидесятипятилетний Борис Ноткин — известный телеведущий. Несколько дней все СМИ были полны разговором об этих людях. Алексей ушёл из жизни на семьдесят четвёртом году. А родился

Алексей Алексеевич Королёв 13 апреля 1944 года. Он был по-своему незаурядным поэтом, но остался абсолютно неизвестным. О смерти истинного, серьёзного, значительного поэта не было сказано ни одного слова. Так изменилось отношение к поэзии и поэтам, в отличие от мира нашей поэтической молодости.

В своё время мы о многом успели поговорить, а теперь вспоминаются стихи Юрия Левитанского: «Жизнь прошла — как не было: не поговорили...»

И сегодня я думаю: какая жалость, что мы тоже не успели договорить наш диалог, который длился несколько десятилетий.